

Лев Додин:

Человек — существо трагическое, и ему необходимо трагическое искусство

Труппа петербургского Малого драматического театра стала неотъемлемой частью французского театрального пейзажа (гастроли во Франции нынче были шестыми!), а его главный режиссер Лев Додин один из трех наших соотечественников, которые удостоены Францией Ордена искусства и литературы. Беседуем с ним в Париже.

— Ни один иностранный театр мира, не говоря уже о русском, со времен Мольера никогда так часто не выступал во Франции. Чем объясняется успех?

— Наверное, потому что мы лучше всех... (смеется).

— А если серьезно?

— Нас здесь любят. Как-то сошлось, что нас здесь понимают. Есть уже свой зритель. Людям хочется серьезного театра. Мы пытаемся быть таковым. Девять лет прошло с нашего первого приезда, и почти каждый год нас сюда приглашают. Мы мало изменились за это время, и это тоже, как ни странно, привлекает в период всеобщих перемен.

Нас понимают даже в самых трудных постановках. В прошлом году в Париже мы показывали 10-часовой спектакль «Бесы». Нас предупреждали: «У вас с французами будет большой конфликт, потому что 10 часов они не высидают». Высидели замечательно.

— Во Франции вы играете точно так же, как и в России, без учета специфики местного зрителя?

— Осенью мы играли в Киришах — есть такой маленький город в Ленинградской области, примерно 60 тысяч человек. Киришский нефтеперерабатывающий завод, теперь это АО «Киришнфтьоргсинтез», в течение года по нашему проекту переделывал сцену бывшего дворца культуры так, чтобы на ней могли встать декорации всех наших главных спектаклей. Мы открыли там нашу филиальную сцену. В течение недели мы играли «Вишневый сад», «Гамлет», «Муму», «Братья и сестры». Зал на 800 мест был переполнен каждый вечер, мы чувствовали себя именниками, киришане, нам кажется, чуть-чуть тоже.

Естественно, что какие-то чувства мы во Франции испытываем более остро, чем дома, и это, наверное, сказывается на спектакле.

— Какие же именно?

— Трагичность истории нашей российской, боль за наших людей, за близких, которые живут так, как живут. Все, что происходит дома, из Франции смотрится гораздо острее. Однако, поскольку мы во Франции не первый раз, мы видим, знаем, что здесь есть свои проблемы, свои боли и своя вечная неутоленная надежда. И мы понимаем, что со своими горестями мы не в стороне от всего мира, мы связаны общей закономерностью.

— Что за люди ваши актеры? Газета «Фигаро» называет их «великолепными атлетами театрального искусства», восхищаясь их свежестью и энергией, оставляя в стороне вопрос таланта.

— Газета «Провансаль», говоря о спектакле «Братья и сестры», называет труппу «35 талантов». Когда «Фигаро» в связи со спектаклем «Отсветы» пишет об энергии, заразительности, то подчеркивает эти качества не даром. Это именно то, чего сегодня очень не хватает театру. Думаю, и французскому, и русскому, и мировому. Ведь заразительность и энергия рождаются из какой-то человеческой истинности. Для нас театр — это и продолжение жизни, и часть жизни и, может быть, больше, чем жизнь.

— Ваш театр, как никакой другой, французы часто сравнивают с семьей, в которой вы не только постановщик, но и духовный наставник, воспитатель...

— Все сравнения, как известно, хромают, поэтому на самом деле все сложнее. Французы так много говорят о театре-семье, потому что тоскуют о таком театре, мечтают о нем.

Есть театр, формы жизни которого открыл Станиславский. Это гениальное открытие возможности коллективного художника (впрочем, мы не любим сегодня слово «коллектив»), некой

духовной общности (впрочем, не любим мы сегодня и слово «духовный»). Но театр по-Станиславскому есть одухотворенное целое. И ничего тут не поделаешь. Это человеческая компания, которую сближает не только совместный выход на сцену, но общие представления о жизни, общие ценности и просто общие радости, потери, потрясения... Те, кто обрушивается на репертуарные театры, не понимают, что само количество совместно прожитой жизни уже рождает тот человеческий опыт, который и интересует зрителя, в отличие от коммерческого, быстро созданного зрелища.

— Вы решительный противник антрепризного театра?

— Нет, я решительный сторонник всех форм существования театра. Я только боюсь того, что когда в нашей стране начинают что-то искоренять, то искореняют насовсем, с корнями. При этом почему-то особенно любят искоренять хорошее. Я только радуюсь появлению новых театральных компаний. Но как только с помощью этого нового уничтожают старое, это новое само беспомощно повисает в воздухе. Словом, будет очень жалко, если к столетию МХАТа русский репертуарный театр прикажет долго жить.

— В какой мере российский театр в целом и ваш, в частности, отражает происходящие в стране процессы?

— Театр может их выражать своим существованием, и субсидируемый, и нищенствующий. Что касается спектаклей, то русская драматургия пока еще не слишком разоблачалась с тем, что же происходит. Может, в этом сейчас основная слабость театра. Мощь русского театра всегда была в том, что он создавал искусство, берущее за живое — Островский, Чехов, Малый театр, МХАТ, Эфрос, Товстоногов и т.д. Думаю, что желание прервать эту связь — желание опасное. Я не знаю спектаклей, которые бы мне что-то открывали в сегодняшнем дне, правда, никогда драматургия не успевала напрямую за жизнью. И не должна этого делать. Но когда вдруг происходит «замыкание», то появляются великие театры и великие спектакли. Сейчас, я думаю, еще для театра не самая великая пора. Театру, как и людям, очень тяжело, и тем более нужна поддержка, чтобы эту трудную пору пережить. Легко поддерживать театр, когда он ярок и велик, в его звездные часы, но надо помнить о том, что звездные часы возникают из незвездных. Кризиса театра нет, многие театры трудно и серьезно работают, но это далеко не всегда может принести быстрые результаты. Они зреют.

— В чем же заключается миссия театра на нынешнем рыночном этапе — по-прежнему «сеять разумное, доброе, вечное»?

— Когда театр работает серьезно, это его крест. Но вот в одной нашей газете видный критик пишет: уже прошла пора, когда художник плачет вместе с народом и мучается его бедами, и счастье, что он может просто писать ноты, просто их исполнять... Я прочитал и чуть не упал со стула. Потому что для меня это нонсенс. Ведь даже на самом благополучном Западе искусство решает мучительные проблемы человеческого бытия. Человек — существо трагическое, и ему необходимо трагическое искусство. Когда мы играли «Гамлета» во Франции, к нам приходили и говорили: в нашей армии точно так же ужасно, как в вашей. И нам это казалось смешно, потому что мы знаем, что у них-то совсем не так. Но француз знает, что и его унизили, и ему неважно, что где-то кого-то унижают в десять раз сильнее. Но мы не переехали в другую страну, мы все в той же, где все та же грязь, та же неправда, жестокость, неуважение к человеческой жизни. И забыть

обо всем этом, значит, забыть о себе самом, то есть говорить ни о чем и ни о ком... И ноты тогда ни к чему, и слова пусты.

— Как должны складываться отношения театра с властями?

— Театр должен иметь право говорить обществу о нем все, что думает, а общество должно ему за это платить. И чем яростнее говорит театр в лицо общества правду, тем больше общество в долгу перед ним.

— Вы только что упомянули Станиславского. Его учение и поныне всеильно, потому что оно верно?

— Мысли Станиславского можно не любить, но они, как эйнштейновские законы, действуют объективно. И когда артист играет правильно, он играет по Станиславскому, даже если ему он и не нравится, — в этом весь парадокс. Станиславский открыл формулу театра, серьезного театра, хотя что-то из его репетиционных методов, естественно, устарело. Главное его открытие в том, что театр есть поиск идеала, вечное стремление к совершенству. Отсюда тренинг и муштра. Он все время менял способы, а суть оставалась и верной и вечной. Но эту суть нелегко постичь и еще труднее жить ею. Нет сегодня ни одного театра, где есть ежедневный тренинг, и не потому, что не верят в Станиславского, а потому, что лень.

Никогда не забуду, как ко мне подошел испанский артист и спросил: «А у тебя есть такая книжка?» и полез в нагрудный карман пиджака, и вытащил брошюрку Булгаковского «Уроки Станиславского». И я подумал, встречу ли я когда-нибудь русского артиста, которому Станиславский будет так близок сердцу?

— Значит, наш театр плохо знает Станиславского?

— Плохо. Равно, как и Мейерхольда, и Вахтангова, и Брука, и других.

— Как вы решаете финансовые проблемы театра?

— Официально нас субсидирует областное правительство. И хотя губернатор области Вадим Густов и губернатор С.-Петербурга Владимир Яковлев, как впрочем, и их предшественники, пытались и пытаются помочь нам, — не все, видимо, в их силах, и поэтому сегодня нам много катастрофически не хватает. Зарплата маленькая. Ставки ничтожные. Артисты живут тяжело. Они всегда были нищими в России, кроме небольшой привилегированной группы, продолжают нищенствовать и сейчас. Нам сегодня любят рассказывать, как на рыночном Западе художники буд-то бы сами справляются со своими проблемами. Но когда нам называют суммы субсидий, которые получают национальные, муниципальные и другие, а их много, театры, к примеру, во Франции, когда мы видим здания, которые строят для театров город и государство, нам остается только хранить на лице гордое равнодушие — у российских, как и у советских раньше, — собственная гордость.

Конечно, наша международная деятельность как-то помогает нам жить, но мы не хотим оставаться за границей постоянно, хотя предложений достаточно. Наш дом — Петербург. Но вот в этом сезоне мы отказались от ряда приглашений, мы должны выпустить новый спектакль, который, кстати, отчасти субсидирует Веймарский фестиваль, и навалились проблемы...

Директор того самого АО «Киришнфтьоргсинтез», доктор наук Вадим Евсеевич Сомов, который, как оказалось, с юности ходил в наш театр и полюбил его, понял нужность серьезного театра для своего города, для своих рабочих. Возникла филиальная сцена в Киришах. В Петербурге тот же Сомов помогает нам строить малую сцену для наших молодых режиссеров и актеров. Это уже не просто спонсорство, это настоящее сотрудничество — думаю, таким и должно быть отношение общества и театра. Но пока Сомов для нас исключение.

Юрий КОВАЛЕНКО, «Известия».

Р. С. Осенью «додинцы» снова приедут во Францию.

ПАРИЖ.